

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯ

1985

МУРЗИКА

2

© «Мурзилка», 1985 г.

**23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ
И ВОЕННО - МОРСКОГО ФЛОТА**

40 ЛЕТ НАЗАД В ФЕВРАЛЕ

А. МИТЯЕВ,

писатель, бывший солдат 9-й гвардейской Кенигсбергской ордена Александра Невского миномётной бригады

Дорогие октябристы, внуки и внучки воинов-победителей! Рассказ о том, как ваши деды громили немецких фашистов, продолжается.

В феврале наш любимый праздник — День Советской Армии и Военно-Морского Флота. В 1945 году воины встречали его новыми победами.

Вступив в фашистскую Германию, советские войска переправлялись через реку Одер. За той рекой, всего в 60 километрах от советских передовых частей, был Берлин. Страх и лютая ненависть охватили фашистов. Небольшие клочки берега, где окопались наши герои, они бомбили с самолётов, обстреливали снарядами и минами, пускали на них танки. В бою 13 февраля особо отличился 2-й стрелковый батальон 218-го гвардейского полка. Танки и пехота врага много раз штурмовали его позиции, но с потерями откатывались назад. Все бойцы батальона за мужество и храбрость были награждены тогда

орденами Славы. Наши воины крепко держались на плацдармах. Туда переправлялись новые части. За рекой накапливались силы для решающего броска на Берлин.

В это же время грозные сражения происходили на северном краю советско-германского фронта — в Восточной Пруссии и на южном — в Венгрии. На севере и на юге у фашистов было много войск. Гитлер, его генералы надеялись, что они помогут спасти Берлин. Но советские воины и там наступали так хорошо, что врагам некогда было думать о помощи Берлину.

В Восточной Пруссии отступление фашистов часто превращалось в бегство. Гитлеровцы спешили к городу-крепости Кенигсбергу — надеялись удержаться в его мощных укреплениях. Другие спешили к берегу Балтийского моря — надеялись уплыть на судах. Но по пятам за ними гнались советские танки, самоходные орудия, «катюши», пехота. В море вышли наши подводные лодки и торпедные катера. С воздуха уничтожали фашистов бомбардировщики и штурмовики. Есть верное изречение: «Посеявшие ветер, пожнут бурю!» Буря нашего гнева сметала врагов.

Советские воины были сильны не только своим оружием, но и верностью Родине, верностью друг другу. Когда лейтенант С. Долгалёв посадил подбитый горящий истребитель в расположении врага, на самолёте По-2 полетел выручать его лётчик В. Михеев. На

Рис. Ю. КОПЕЯКО

глазах фашистов он приземлился около своего командира и улетел с ним. В те же дни лётчик, старший лейтенант М. Девятаев, попавший в плен к фашистам, с девятью товарищами захватил немецкий бомбардировщик «хейнкель» и поднял его в воздух. За ним гнались «мессершмитты». Страшен, опасен был тот полёт — над верхушками лесов, над гребнями балтийских волн, сквозь разрывы зенитных снарядов, но смельчакам сопутствовала удача, они благополучно приземлились на своей земле.

Долго, ожесточённо шло сражение в Венгрии, которая была тогда союзницей Германии. Советские войска окружили в городе Будапеште и около него почти сто девяносто тысяч вражеских солдат и офицеров. Наше командование послало к противнику парламентёров, чтобы договориться о прекращении боёв. Вырваться из кольца было невозможно, а столичному городу грозили большие разрушения. Фашисты убили парламентёров, хотя у них был белый флаг — международный знак, по которому прекращается стрельба. Советские войска возобновили атаки. И 13 февраля Будапешт был взят.

Уцелевшие враги сдавались в плен. В подвале одного дома пряталось больше сотни вражеских командиров. Они знали об убийстве советских парламентёров и никак не решались выйти из убежища. Требовали, чтобы обещал сохранить им жизнь советский офицер в звании не ниже майора. Во главе наших десяти воинов был старший лейтенант Ф. Копылов. Пришлось ему посылать за майором. Среди пленников оказался генерал-полковник. Со страха он переделался в солдатскую одежду. Всего сдалось в плен около ста сорока тысяч солдат и офицеров противника.

Ещё с того времени, когда советские войска освобождали от фашистов Польшу, оставался в нашем тылу невзятый польский город Познань. В нём засело шестьдесят тысяч гитлеровцев. Этот старинный город был взят нами 23 февраля, точно в праздник Советской Армии и Военно-Морского Флота.

ПРО МАЛЬЧИКА НИКУ

А. ШИШОВ

По соседству с нами живёт Павел Иванович Лушилин — бывший моряк-балтиец. В праздничный День Победы над врагом он украшает грудь орденом и идёт в колхозный клуб на встречу ветеранов войны. А когда возвращается домой, от внуков Юры и младшенького Володи нет ему избавления.

— Расскажи нам, дедуля, про войну, Расскажи, — просят наперебой внуки. — Страшно было сражаться с фашистами?

Дед пошевелит седыми усами, иногда улыбнётся, иногда посуровеет.

— Конечно, страшно. Рядом, вот она, смерть-то: сверху накроешь или низом подкрадётся — не угадаешь. Да вроде бы я вам обо всём рассказывал.

— Ещё про мальчика Никку. Как ты его из воды выловил? Тот раз, когда пароход тонул.

— Про мальчонку-то? Вот разве что про него. Не жить бы ему. А он нынче небось где-то пашет землю аль водит морские суда... Ну рассказывать так рассказывать. Помнится прифронтовой госпиталь. — Дед всегда начинал свой рассказ с госпиталя. — Бои идут невдалеке, а мы тут, раненные, койка к койке — шесть гладко стриженных голов. Вот в то время и приходила к нам в госпиталь мать этого малыша: высокая женщина, эстонка, звать её Лиас Кильнап. Работала она где-то неподалёку на судостроительном заводе. Приводила за руку и своего обхоженного, белёсого паренька. Приносили они карамелек, печенья, иногда и папирос.

«Ника, благодари дядю матроса, он спас тебя, дал тебе вторую жизнь», — говорила женщина, подводя сына ближе к моей койке.

Я повыше подбивал изголовье, облокачивался на здоровую руку, гладил паренька по голове.

«Сын у вас хороший, товарищ Кильнап», — отвечал.

Когда гостя уходила, подарки клали на общий стол. Пили чай и вспоминали: спас я от гибели не одного этого паренька.

Дед вздыхал и глубоко задумывался.

— Ну а дальше-то, дедушка. Сколько там было ребятишек-то? С чего началось?

У деда сдвигались лохматые брови, в глазах появлялась внезапная строгость.

— Скажу, скажу. Было это в начале войны. Помню месяц — август. Наш экипаж находился в Таллине. Вечером, когда на море загорелась вечерняя заря, меня вызвали к старшему второй статьи.

«Эвакуация детей. Лушилин, несёшь охрану судна и пассажиров».

Я повторил приказание. Не прошло и часу, как был на борту парохода «Комсомолец». Истинный матрос всегда хочет плавать на большом судне, хотел и я, а пароход «Комсомолец» оказался мне игрушечным. Команда, от кока и до капитана, — с десяток. Увидел, пароход загружается детворой с мамами и нянями, с деревянными лошадками и куклами. Возвратился и сказал:

«Нельзя ли там обойтись без меня? Я учился воевать, а не с ребятишками нянчиться...»

Старшина тот раз добродушно улыбнулся.

«Будем и на миноносце. Не торопись, Лушилин. Принимай детвору и заботись о ней».

Рассказывая внукам о войне, дед поглядывал на стену избы: в ряду с другими фотографиями видел свою молодость — brave краснофлотец, застёгнутый на все пуговицы бушлата, с якорями на чёрной ленте.

— Дедушка, ничего не пропускай, — просили внуки.

Рис. В. ЛОСИНА

Пароход сильно встряхнуло. С правого и левого бортов выросли подынные столбы. В каютах разбились зеркала и посуда. Поднялся истошный ребячий плач. Капитан приказал команде: не позволять выходить пассажирам из помещений.

Мы заняли все выходы. Пришлось быть строгим: «Нельзя!», «Запрещено!», «Опасно!»

Командой корабля было скоро исправлено рулевое управление. «Комсомолец» снова лёг на свой курс, снова взмыленная полоса оставалась за кормой.

К нашему несчастью, вражеские базы были невдалеке. Потребовалось немного времени, и «юнкеры» прилетели с новым грузом.

Дедушка Павел посмотрел на внуков и продолжал:

— Побежал я к мостику капитана, чтобы получить нужные указания. Но взрывной волной капитана сорвало с трапа и бросило вниз. Рулевая рубка разлетелась в щепки. Матроса, с которым я держал вахту, ранило. Помещение пылало. Всё перепуталось, всё смешалось.

Дедушка Павел ещё раз тяжело вздохнул.

— Фашисты сделали своё чёрное дело, и нет их. Пожар распространился. Оставшиеся в живых матросы боролись с огнём. Нужно было спасти детвору. Пробираясь сквозь дым, мы вытаскивали их на корму, куда огонь ещё не подошёл. Ожог я себе руки, опалил лицо. И вот ещё беда — ребята цеплялись. Насильно приходилось сажать их по двое в спасательные круги.

— А про девочку ты, дедуля, забыл. А прошлый раз сказывал, как подобрал её, завернул в свой пробковый жилет и спустил на верёвке туда же, к шлюпкам, — заметил старший из внуков.

— Да, да, девочка оказалась контужена, — продолжал дед. — Когда я её взял на руки, она открыла глаза, и взгляд её был осмыслен. Врач-старичок девочку принял, оказал помощь и нашёл ей место в шлюпке.

Но шлюпок было мало. Их разбило осколками бомб. Тогда в воду бросили двери, рамы, доски, скамейки. Вязали верёвками и сколачивали плоты.

Фашисты сверху начали строчить из пулемётов. Очереди прошли по кормовой части, и вот тут я почувствовал режущую боль в плече.

Что делать?

С перевязанной рукой, опираясь на железный трос, сцепив зубы, всё же оставался на посту. Убедившись, что на корабле никого нет, последним прыгнул в воду. Сбил с себя огонь и лёг на волны усталый. Так пролежал бы на воде долгое время, да увидел на борту накренившегося судна женщину с мальчишкой. Малыш обхватил шею матери. Я узнал в этой женщине Лиас Кытынап. Она не кричала и не плакала, а только искала, за что бы ухватиться.

Я подогнал обломок бревна ближе к судну. Она поняла, что это для них. Рядом упала в воду. Набежавшая волна вырвала у неё из рук малыша и откинула его далеко в сторону. Пришлось мне нырнуть раз, другой и схватить парнишку. Забросил я его себе на спину, закрепил попавшей под руку верёвкой и поплыл.

Пароход с треском и шипением пошёл ко дну. На поверхности остались пятна машинного масла. Сильно пахнуло гарью.

От места катастрофы в сторону отнесло ветром на плоту группу ребятшек, тех, что не поместились в шлюпках. К счастью, с ними старичок врач. Вплыв настиг и плот, снял парнишку со спины и отдал его врачу. Положил отяжелевшую, простреленную руку на край сколоченных досок и поплыл, толкая плот навстречу ветру, чтобы нас не опрокинуло.

Удивительно было то, что ребяташки не плакали, видимо, страх сильнее слёз. Они цеплялись друг за дружку и смотрели на меня и старичка врача как на спасителей.

Боль сводила мне руку, но я плыл и плыл, толкая грудью перед собой плот. Подобрали нас тралячки, вышедшие в море на поиски мин.

ИСКРЫ

В праздничные дни по улицам городов и сёл Чехословакии рядом с пионерами идут нарядные малыши. Девочки одеты в голубые платья, мальчики — в голубые рубашки и тёмные брюки. Ребята дружно маршируют и весело поют. «Это наши искры!» — тепло говорят взрослые.

Вступая в ряды искр, младшие школьники дают клятву:

«Сегодня перед всеми клянусь, как искра ясная, что буду жить для своей прекрасной родины, для её счастья!»

У искр есть свои законы:

Искра говорит правду.

Искра любознательна.

Искра любит заниматься спортом, петь, рисовать, играть.

Искра трудолюбива и помогает родителям.

Искра хочет стать пионером.

Если спросить у искр, чем они заняты в первом классе, ребята отвечают: «Выполняем задания «зверюшек». «Мудрая сова» помогает ребятам больше узнать, «трудолюбивая пчёлка» — честно трудиться. А есть ещё задания «расторопной собачки», «ловкой кошечки», «солوى». Ребятам нравится эта игра.

Подрастают искры, и дела их становятся посложнее. Теперь они знакомятся с пионерскими законами и символами, учатся связывать галстук, строить на линейку, отдавать салют, стараются во всём подражать пионерам. Когда искры справятся с этими заданиями, они готовы вступить в пионеры.

ПИОНЕРЫ-МОНКАДИСТЫ

Ребята героической Кубы очень любят свою пионерскую организацию, которая носит имя национального героя Хосе Марти. Они становятся пионерами уже в первом классе, и зовут их тогда пионеры-монкадисты. Почему?

Кубинская революция победила в 1959 году, а начиналась она со штурма крепости-казармы Монкада. Потому и дано самым юным наследникам революционных завоеваний имя пионеры-монкадисты.

Сейчас в бывшей крепости располагалась школа.

Осенней порой в городах и селениях Кубы, на площадях, у памятников героям революции выстраиваются стройные колонны ребят, звучат слова Торжественного обещания: «По пути Хосе Марти, под руководством Фиделя, за родину и социализм всегда готовы!»

Школьники готовятся к этому событию заранее, стараются, чтобы всё у них было хорошо в учёбе, изучают историю, подвиги юных героев Кубы.

С 1-го по 4-й класс пионеры-монкадисты носят галстуки синего цвета и красные береты. Они объединяются в звёздочки по 5—10 человек. Всей звёздочкой вместе трудятся в садах, занимаются спортом, готовят концерты, выпускают газеты. А когда ребята подрастают и переходят в 5-й класс, они становятся пионерами Хосе Марти и остаются в рядах своей организации до 10-го класса.

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ХОРОВОД

Рис. Е. ГЛАДИКОВОЙ

У НАС В ГОСТЯХ "СТЕЛУЦА" (ЗВЁЗДОЧКА)

ЖУРНАЛ МОЛДАВСКИХ РЕБЯТ

Дом мой ветви окружают,
Всё село — родня большая,
Всё моё — леса и реки,
И язык, родной навеки.

У меня есть край волшебный,
Где народ такой душевный,
Мне он люб до звёздной крыши,
До небес и даже выше.

ГРИГОРИЮ
ПАВЛОВИЧУ
ВИЕРУ—
50 лет

РЕДАКЦИЯ
И РЕДКОЛЛЕГИЯ
ПОЗДРАВЛЯЮТ
ЮБИЛЯРА!

Григоре ВИЕРУ

РОДНАЯ
РЕЧЬ

Молчит певунья-птица
Среди зелёных свеч
И про себя дивится,
Услышав нашу речь.

Понадобись ей слово,
Певучая строка —
Из нашего родного
Взяла бы языка!

ПОСАДИ
Я ДЕРЕВЦЕ

Я по тропочке бродил,
Я дубочек посадил.
Подрастай, дубочек-детка,
Зеленей быстрее, ветка!

Завтра птица прилетит
И на ветке посидит.
Ну-ка, ну-ка пой, пичуга,
Моего дубка подруга!

Скоро девочка придёт,
Тоже песенку споёт.
Громче, громче, Аникуца,
Пусть листочки шелохнутся!

Перевёл ЯКОВ АКИМ

Рис. В. ЧАПЛИ

Ковёр для Ленуцы

Юлию КЫРКЕЛАН

Бабушка — старенькая. Дальше домашнего порога она давным-давно уж и не выходит никуда. И ей бы вот только теперь и посиживать на покое да рассказывать внучке Ленуце сказки, а она вдруг принялась проверять свои старинные, с тяжёлыми крышками сундуки.

Открыла один сундук — навыбирала оттуда моток за мотком целый ворох цветной пряжи.

Открыла другой сундук — навыкладывала из него на пол целую грудку гладких, будто полированных, чурочек и дощечек.

Затем потихоньку да помаленьку переносила всё это в рабочую комнату и собрала там ткацкий станок.

— Ой, бабушка! — удивилась Ленуца. — Ты что это затеяла?

— А то затеяла, — ответила бабушка, — что не могу без дела сидеть. Конечно, глаза и руки мои ослабли, да всё ж я помню, какие раньше ткала ковры. Вот и хочу попробовать выткать ещё один... Если получится — он будет твой!

Бабушка уселась перед станком на табуретку, а Ленуца сказала ещё:

— Ковёр выйдет хорошим, если мне, старенькой, вы будете помогать все... Папа, мама и ты.

И вот с поля, со своей работы, приходит отец Ленуцы, видит бабушку за станком и тоже, как Ленуца, застывает в изумлении.

А бабушка ему говорит:

— Не удивляйся, Ион, не удивляйся. А лучше скажи мне поскорее: чем прекрасно сегодня поле?

Отец отвечает мигом:

— Новоею пшеницей! В поле набирает колос молодая пшеница! Зелёные волны над пшеничным полем так и переливаются, так и бегут из края в край.

И бабушка выбирает из пряжи для ковра зелёные нитки, и на ковре начинает сочно зеленеть молодое, щедрое, будто живое, поле. К бабушке подходит мама Ленуцы.

— А ты мне подскажи, какое небо сегодня?

— Небо сегодня, — отвечает мама, — голубое-голубое. Оно голубое и чистое, как вода под ракитами в роднике.

И бабушка подбирает нитки голубые, и на ковре над полем начинает вставать прозрачное, глубокое, сразу видно, что очень мирное небо.

— Бабушка! — не выдерживает Ленуца. — Бабушка! Спроси и меня про что-нибудь! Ты же говорила, что и я помогать должна.

— Спрошу... — кивает бабушка. — Спрошу непременно... Глянь в окно. Скажи, что всего ярче, что всего краше сейчас в деревне?

— Мама! — торопливо кричит от окна Ленуца. — Алые кругом маки!

Бабушка кивает опять согласно, но и чуть печально.

— Это всё ещё с той далёкой уж теперь войны... Нет в деревне дома, из которого кто-то не ушёл бы на ту войну с фашистами, но ушёл бы не ради себя, а ради нас, ныне живущих... В память о них и горят, цветут теперь наши маки.

И бабушка, склонясь над ковром, подбирает к зелёному, к голубому ещё и алое. И это уже не только цветы, это любовь к людям.

Ковёр всё ширится. Он всё ярче. Ковёр у внучки Ленуцы будет очень, очень хорошим.

Перевёл Лев КУЗЬМИН

Константин
ДРАГОМИР

Я в кодрах родился.
Мне кодры песни пели,
Ореховый шатёр
Меня от бед хранил.
И мамини слова,
Как листья, шелестели,
И лёгкий сладкий сон
Мне голову кружил.
Мне жаворонок пел
С полей пшеницы росной.
Мне дойна соловья
Гремела, как гроза.
Две лучшие звезды,
Светясь
Средь ночи звёздной,
Склонялись надо мной.
То мамини глаза.

Рис. М. ТОПАЗ

Василь
РОМАНЧУК

Как на скатерти цветок
Мама вышивает.
И по дому ветерок
Полевой дует.
Пчёлка с улицы жужжит,
Спинкой золотится.
Над цветком кружит,
кружит
И в цветок садится.

— Густолистый орех,
Ты высок и велик!
— Я — ваш дворник,
Мету облака,
Чтоб солнце сияло.
— Глубоки твои корни,
Как глубокий родник.
— Я землю держу,
Чтоб земля наша
Дом твой держала.

Перевёл
В. БАХРЕВСКИЙ

Богдан
ИСТРУ

Посадили мы весной
Дуб на поле, за селом.
Встало дерево лесное
Между речкой и холмом.
Ты расти, посланник рощи,
Здесь, где долог жаркий
день.
Ветерок пускай полощет
В травах шёлковую тень.
А когда минует лето
И холодной станет высь,
Ты корнями в землю эту
Крепче, дерево, упрись.
Чтоб опять проснуться
вместе
С первой зеленью полей,
Чтобы птиц весенних
песни
В кроне слышались твои.
Вырастай скорее, чтобы
Посреди степной земли
В жаркий полдень
хлебоборы
Отдохнуть в тени смогли.

Перевёл
Р. ОЛЬШЕВСКИЙ

Спиридон ВАНГЕЛИ

ПЕЧКА В ВАРЕЖКЕ

Рассказы из молдавского
букваря «Абечедар»
перевёл Юрий Коваль

К утру снег перестал. Ударил мороз.
Холодно Жеоржелу, а делать нечего — надо в школу
идти. Собрался Жеоржел и пошёл.

«Скрип-скрип», — скрипит под валенками снег.
— Жеоржел, — сказала вдогонку мама, — ты же
свои печки позабыл.

Она догнала сына и положила ему в каждую варежку
по печёной картофелине, чтоб руки не замёрзли. До
школы-то далеко.

Пошёл Жеоржел дальше.

«Скрип-скрип», — снег скрипит, мороз всё сильнее, а
мальчику тепло — печки руки греют.

Идёт себе Жеоржел, вдруг видит: стоит на дороге
Жеоржета. Дрожит от холода.

— А у меня две печки есть, — сказал он.

— Где?

— Да вот они, в варежках, — засмеялся Жеоржел
и отдал одну печку девочке.

ШАПКА

Пришли ребята в кино.

Марчел тут же занял сразу два места — на один
стул сам сел, а на другой шапку положил.

А Лучика рядом стоит — ей места не досталось.

Подошла учительница и говорит:

— Уважаемая Шапка! Не разрешите ли вы сесть
Лучике на это место?

Покраснел Марчел и убрал свою шапку.

КАСА МАРЕ

Рис. В. ДУВИДОВА

КУВШИН С ЗОЛОТОМ

— Мама, — спросил однажды Тудор, — почему ты называешь эту комнату каса маре, ведь каса маре — это большой дом?

— Потому что эта комната для гостей. А когда гости уходят, знаешь, кто остаётся в комнате?

— Кто?

— Память о дедушке с бабушкой. Видишь, на стенах — их фотографии, а на полу — бабушкин ковер.

— А ещё кто остаётся?

— Цветы базилики. Здесь они отдыхают.

— А ещё кто?

На этот вопрос Тудора ответил отец:

— В этой комнате живёт Иляна Косынзяна. Она здесь хозяйка. Помнишь ведь ты Иляну Косынзяну из наших сказок? Она такая красивая и добрая.

— Конечно, помню! Так вот почему у нас так красиво!

С тех пор задумал мальчик подстеречь в каса маре Иляну Косынзяну.

Вот однажды сидел он в комнате, спрятавшись за горою подушек. Вдруг слышит — шаги, кто-то к окну подходит.

— Ух ты, какая красивая! Вот она — Иляна Косынзяна.

Шторы раздвинулись, и Тудор увидел маму с базиликой в руке.

— Так это ты Иляна Косынзяна!

Мама улыбнулась. И погладила Тудора по голове.

Народная сказка

Жил один человек, и было у него три сына. Когда пришло ему время умирать, позвал он сыновей и говорит им:

— Дети мои! Кроме дома да виноградника, нечего мне вам оставить. Но знайте, что в винограднике зарыт кувшин с золотом.

Когда отец умер, сыновья перекопали весь виноградник, но кувшина не нашли.

Вскопанный и ухоженный, виноградник уродил на диво.

Тут-то сыновья и поняли, что кувшин с золотом — это урожай, который даёт земля.

НАЧАСАХ

Виктор ПРОХИН

Сразу видно, мост этот очень нужный и важный. На мосту солдат с карабином на часах.

День выдался жаркий. Идешь, а на асфальте следы остаются.

Под мостом прохладная речка, на берегу тенистый парк. В парке скный ларёк, а на нём надпись: «Мороженое».

Солдат долго смотрит на вывеску, поправляет на плече ремень карабина и отворачивается.

До ларька можно за минуту добежать, но пост оставить нельзя. Такая уж солдатская служба.

Через мост торопится на базар старушка. Она проходит мимо часового, поглядывая на его кирзовые тяжёлые сапоги, на мокрую от пота гимнастёрку.

Вдруг она решительно возвращается и достаёт из сумки грушу. Груша румяная, сочная.

Часовой отрицательно качает головой.

Ему на посту даже разговаривать с посторонними не положено. — Мой внук Михэиче тоже в армии, — говорит старушка. — Он у меня танкист.

И решительно закидывает грушу солдату в карман.

Часовой смущённо улыбается. Что, если командир увидит? Будто прочитав его мысли, старушка достаёт ещё одну грушу и кладёт солдату в другой карман.

— Начальника своего угощай.

Старушка весело уходит, а часовой остаётся на посту.

«Какие здесь большие груши! — думает он. — Одной можно жанду утолить. Вот только сменюсь с поста...»

И он улыбается.

Рис. М. ПАНТЕЛЕЕВА

Штефан ТУДОР

РУЧЕЁК

Из леса

В поле

Ручеёк

Вдруг выбежал отважно,

И каждый полевой цветок

В нём утоляет

Жажду.

Цветы

Любуются собой,

Глядясь в него,

Как в зеркало.

А без него

В подданный зной

В степи бы всё

Померкло.

МУЗЫКАНТЫ

В поле чудо-музыканты

Без бород и без усов

Демонстрируют таланты

В сотни звонких голосов.

Только тронут невидимки

Струны тоньше паутинки,

Небывалой красоты

Распускаются цветы.

Рис. В. КАНЕВСКОГО

ДОЖДЬ

Солнце спряталось за тучей.
Пик!
Пок!
Пак! — дрожат листочки.
Дождик падает певуче.
Птица мечется в лесочке:
Льёт вода, как из корыта.
«Поскорей к гнезду, к птенцам!
Ведь они совсем открыты».
Не видать дождю конца...

УТРО

Молчит трава,
Молчит листва,
Деревьям крепко спится.
Но исчезает тьма, едва
Вспорхнёт зари жар-птица.
Заря румянится, и прочь
Растрянно, вприпрыжку
В чашобу убегает ночь
Испуганным зайчишкой.

ТРУСИШКА

Зайка-трусишка
Забился в траву.
Белочка шишку
Приносит ему,
Яблоко — ёжик,
Малины — медведь:
«Хватит на мир
Исподлобья глядеть!»
Сбросила пёрышко
Сверху сорока...
Кто б ему смелости
Дал хоть немного.

Перевёл Юрий МОГУТИН

Если случится, что пошлют в поле работать, Бобочел пойдёт вместе с мамой. И если что он не осилит — она поможет, если что получится неудачно — она подправит, то, что он не поймёт, — она растолкует, и вечером они вернутся с поля не хуже других.

Если случится у соседей свадьба и обязательно нужно будет танцевать, он пригласит сестру. И если он не сможет докружить её до конца, она сама докружится; если он наступит ей на ногу, она и не заметит; если он застесняется, она подбодрит, и общему веселью они не будут помехой.

Если он вдруг сразу, за одну ночь, станет взрослым и ему нужно будет построить дом, он попросит помочь отца. И то, что он не сможет поднять, поднимет отец, и то, что не сумеет вбить, вобьёт отец, и ничего, дом, который они построят, будет не хуже других домов в деревне.

Если, не приведн бог, случится война,

МОСТИК

Ион ДРУЦЭ

ФЛУЕРАШ

George ЧОКОЙ

Флуераш — свирель простую —
Сделал я из бузины.
Я в свирель слегка подую —
Звук музыки слышны.

Деять дырочек в свирели,
В каждой — песенка своя:
В этой — песенка капли,
В этой — трели соловья.

Флуераш — свирель простая,
Но у нас, в родном краю,
Даже птицы, замирая,
Дойну* слушают мою.

* Дойна — народная лирическая песня.

Перевёл Владимир СТЕПАНОВ

он пойдёт на фронт вместе с дедушкой. Дедушка участвовал уже в двух войнах, у него четыре медали. И там, где он растеряется, совершит геройский поступок дедушка; когда у него произойдёт осечка, дедушка выстрелит из своей

винтовки; если какое иностранное слово он не поймёт, дедушка переведёт — и ничего, вернуться они с той войны, ничем не осрамив свой род.

Так размышляет про себя Бобочел каждое утро, отправляясь со своим огромным портфелем в школу. Идёт и радуется, что он неодинок, что у него так много родни, что в трудную минуту жизни его не бросят посреди дороги. Но вся их помощь, к сожалению, придёт потом. А вот сегодня ему, как никогда, нужна помощь. Сегодня будут спрашивать таблицу умножения, всю, с начала до конца. И чувствует его сердце, что сегодня вызовут к доске и будет он один стоять перед всем классом, и, хотя родни много, никакой помощи не жди.

— Это потому, что учёба,— объяснил ему однажды отец,— это всё равно что перейти мостик в одну доску. Там двоим делать нечего, там ты либо перейдёшь, либо так и останешься на этом берегу...

УЛИТКА

Ливии ДАМИАН

Шла улитка по тропинке,
Хлеб и соль несла на спинке
Дорогому Солнцу.

«Вся листва долины нашей,
Все цветы, сады и пашни
Кланяются Солнцу!»

Только Солнышко не знало,
Что она его встречала
В ливне красок алых.

И стоит улитка в поле,
Всех встречая хлебом-солью,
И больших и малых.

Перевёл Юрий МОГУТИН

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

САЛЮТ, МИР!

На улице солнце, чистое небо, гудят тракторы на полях. Сменяются дети всех пятнадцати республик-сестёр. Это мир.

Война — это чёрный уголь, который опускается, как камень, на сердца людей. Война — это несчастье, она разрушает школы, детские сады. Плачут дети, старики, плачет весь народ.

Сорина ПРЕКУП, г. Кишинёв

Однажды дедушка говорит:

— Скоро к нам придут гости, и среди них мой кровный брат Ашот.

Я не знала, что у моего дедушки есть брат. И зовут его Ашот.

— Как это кровный? — спросила я дедушку.

— Мы с Ашотом были в разведке. Фашисты меня ранили. Ашот вынес меня из боя, а в госпитале дал мне свою кровь. С того часа мы и стали кровными братьями. То есть братьями по крови.

Много у дедушки друзей: приехал дядя Юра из Казани, дядя Василь — из Киева, дядя Коста — из Минска, дядя Ибрагим — из Баку, а последним приехал из Армении дядя Ашот.

Сколько интересного я узнала, сколько песен на разных языках я услышала!

Гости уехали, и я заскучала, но дедушка меня успокоил: «Скоро я в гости поеду к друзьям, а ты со мной!»

Ира БАРБУ, г. Белцы

Наш класс долго готовился к ярмарке солидарности. Мы оставались после уроков, рисовали, шили, клеили, лепили. И смастерили много игрушек, сувениров, аппликаций, поделок. Каждый старался сделать свою игрушку интересной, весёлой и полезной.

Накануне ярмарки все мы очень волновались: понравятся ли покупателям наши игрушки? Понравились! Их охотно покупали ребята младших и старших классов.

Вырученные деньги мы перечислили в Фонд мира.

Октябрята села Черепкзу

Октябрятский экипаж «Спикушор» («Колосок») отправился в заочное путешествие по городам Сороки, Каменка, Рыбница, Дубосары. Эти города стоят на живописных берегах быстрого Днестра.

ОКТАБРЯТА — ПО СТРАНЕ ОКТАБРЯ!

РАДИОГРАММА

Юные путешественники, запомните! Днестр берёт начало на склонах Карпат и впадает в Чёрное море. Общая протяжённость реки — 1352 километра, из них 630 приходится на территорию Молдавии.

Радиот Виктор УРЕКЕ

ДОНЕСЕНИЕ

Экипаж «Спикушор» причалил к старинным стенам крепости Сороки, и мы узнали, что Сороки — один из старейших городов Молдавии.

В его окрестностях в обрывистой скале Бекирова яра большим пятном чернеет пещера «отшельника», внутри которой сохранились высеченные из камня несколько веков назад пе-

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДНЕСТРУ

жанка, стол, ниша. По преданию, здесь скрывался от преследователей народный мститель Бекир.

В центре города, в парке, воздвигнут памятник советским воинам, павшим в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Здесь проходят городские праздничные манифестации, митинги, торжественный приём в пионеры.

Корреспондент Сабина МИХАИ

СООБЩЕНИЕ

На левом берегу Днестра расположен город Каменка. Его окаймляет известковый обрыв почти стометровой высоты. Здесь особый микроклимат. Справа — красивый парк и санаторий «Днестр», где лечат виноградным соком. Сюда приезжают тысячи больных восстанавливать своё здоровье. Партия и правительство

заботятся о здоровье труженников. Вы видите, что рядом с главным корпусом строится новое здание — санаторий расширяется.

Экскурсовод Анна БАЛАБАН

ТЕЛЕГРАММА

Мы прибываем в город Рыбницу — промышленный центр севера Молдавии. Перед нами старейший в республике сахарный завод, а вот мясной завод и крупный цементно-шиферный комбинат. Они оборудованы новыми автоматическими линиями.

В Рыбнице находится ударная комсомольская стройка — металлургический завод. Там трудятся выпускники нашей школы.

Бортпроводница Стела КУШНИР

ЭКСПЕДИЦИЯ

Дорогие путешественники, мы приближаемся к Дубоссарам. Скоро увидим огни нашей молдавской ГЭС. 60 лет назад в Молдавии не было электрической энергии, а сегодня даже в отдалённых уголках республики не представляют жизни без неё.

Давайте проведём октябрятскую поисковую экспедицию «Куда ведут провода». Условие такое. Каждая звёздочка — экспедиционная группа — получает задание пройти вдоль линии электропередачи к школе, Дому культуры, машинно-тракторному парку, к колхозному току, к больнице. Надо рассказать, на какие нужды используется электроэнергия.

Организатор шир Света ШИХАН

ИТОГОВОЕ ДОНЕСЕНИЕ

У нас был праздник: «Возвращение из путешествия по Днестру». Мы пригласили в гости друзей, родителей. Все вместе вспомнили, как началось наше путешествие. Мы много узнали о нашей Молдавской Советской Социалистической Республике, которой в октябре прошлого года исполнилось 60 лет. Узнали, как советский народ, руководимый Коммунистической партией, воплощает в жизнь заветы Ленина.

Корреспондент Сабина МИХАИ

Село Братушаны

Ирина ТОКМАКОВА

Продолжение

Глава 2. ПОЛИНА ЗАБОЛЕЛА, ДОКТОР ДОРОХОВ, ДЕВОЧКА-ЗВЕЗДА

Кто, скажите на милость, любит болеть? Казалось бы, никто на свете. А вот Полина... Впрочем, нет. Болеть Полина тоже не любит. Кому это может понравиться — температура, и лекарства всякие, и в постели лежать, да ещё в шерстяных носках. Ну что может быть противнее — под одеялом и в шерстяных носках!

Но дело в том... Дело-то в том, что если Полина заболевает, то мама или бабушка позвонят в детскую поликлинику и придёт доктор Дорохов. А это уж кое-что! Это просто очень даже хорошо! Собственно, почему это так хорошо, Полина не могла бы так вот сразу взять и объяснить. Ну, просто...

Доктора Дорохова зовут Алексей Иванович. Он такой молодой, что всем хочется называть его просто Алёша. А это невежливо называть доктора в белом халате и с трубкой-фонендоскопом просто Алёша. Поэтому, чтобы как-нибудь не оговориться, папа, и мама, и бабушка, и Полина зовут его между собой доктор Дорохов.

Доктор Дорохов высокий-высокий, и у него такой взгляд особенный, внимательный, и добрый, и понимающий: всё сразу. Полине кажется, что она бы могла рассказать ему про Фокки. Никому из взрослых — только ему.

Где-то среди дня раздался звонок в дверь, и через несколько минут, вытирая руки и отдавая бабушке на ходу мохнатое полотенце,

к Полине вошёл, конечно, он — доктор Дорохов.

Бабушка пододала ему стул, и он сел рядом с Полиной кроватью.

— Ну что, нашлапалась по лужам, Веснушка! — спросил доктор Дорохов.

У Полины и правда по обеим сторонам носа как только чуть весна, так высыпали весёлые веснушки. Но никто её так никогда не называл. Она бы и не позволила. А доктору Дорохову было можно — у него это получалось необходимо и даже ласково.

Он, как всегда, послушал через трубочку «дыши — не дыши», а потом, что-то не доверяя грубочке, приложил ухо к Полиной спине и опять велел то дышать, то не дышать.

— Ничего особенного, простудилась, — сказал он Полине, беря обе её руки в свои и глядя на неё пристально.

— Ты чем-то озабочена, Веснушка! — спросил он тихим голосом. — У тебя плохое настроение!

Полина посмотрела доктору Дорохову в глаза и кивнула. Не могла не кивнуть. Он понял. Он больше ни о чём не стал спрашивать. Только, уходя, улыбнулся, сказал:

— Ничего, скоро поправишься, Веснушка! Когда, проводя доктора Дорохова, в комнату вернулась бабушка, Полина попросила: — Бабушка Тая, расскажи мне про Крутогорск.

— Дак ведь что же рассказывать, Полинушка! Что было, то прошло, того уж нет нигде. — Бабушка вздохнула.

— Что, и города нет? — удивилась Полина. — Ты же туда ездила, даже открытки с видами Крутогорска привезла!

— Вроде бы и есть, а вроде бы и нет, — сказала бабушка.

— Бабушка, так не бывает!

— Бывает, ангученька. Город есть. Только он не тот же самый. Новый. Большой. Дома высокие. Камешные. Людей в них много живёт.

Бабушка замолчала, задумалась.

— Бабуля, — не отставала Полина, — а ты мне про тот Крутогорск Расскажи. Ну тот, прежний.

Полина хитрила немножко. Она знала, что бабушка любит тот Крутогорск, где выросла сама, и мама выросла, и где раньше был дедушка.

— Крутогорск маленький, — говорит она обычно. — Но ведь это моя родина!

— Бабушка Тая, ну Расскажи.

— Полиночка, обед у меня ещё не готов. Мама придёт с работы усталая, папа придёт с работы голодный. А я борщ затеяла со сморчками.

— Откуда ты сморчки взяла? Грибов ещё нет! Снег ведь не стаял!

— Ты разве забыла, дедушкин друг, дядя Ионас, приезжал из Литвы нас с тобой навещать, он нам мешочек сушёных сморчков привёз. Так у меня ещё остались. Вот с ними борщ и варится.

— Ну пусть ещё поварится. А ты со мной посиди, расскажи. Я больна. Доктор Дорохов ведь сказал, что больная!

— Ты кого хочешь уговоришь,— улыбнулась бабушка.— Сейчас только схожу, немного газ прикрочу. И то — пусть борщ упреет хорошенько.

Ну вот,— сказала бабушка Тая, садясь возле Поллиной кровати,— слушай. Вокзальчик в Крутогорске раньше был маленький, но красивый. Как теремок. Весь он был жёлтый, а под крышей бордюр и наличники белые-белые, их каждую весну белили.

— А где вы жили? — перебила Полина. Хотя она и про красивый вокзальчик, и про то, как жили, слышала не один раз.

— Где жили? Жили мы на самой крутой горе, на самой вершотуре. Город-то ведь недаром Крутогорском называется. Надо было сначала в гору подняться, потом липовым сквером пройти, а за сквером и начиналась наша улица. Ну вот. А когда твой дедушка с войны пришёл...

— Он был герой? — в сотый раз спрашивала Полина.

— Да нет, Полиночка, героем он не успел стать. Он же был тогда молоденький. Как ему разрешили на фронт добровольцем пойти, тут скоро и война кончилась. Герой не герой, но и трусом не был. Хороший был у тебя дедушка...

Полина замерла. Она знала, что сейчас будет самый красивый бабушкин рассказ про Вардиче-за и его необычайные алые и белые розы.

Но тут зазвонил телефон. Бабушкина приятельница Ванда Феликсовна долго дернала её у телефона, а тут вскоре пришла мама и папа, и бабушка стала кормить их обедом. После обеда мама только на минутку зашла к Полине, погладила по голове и дала лекарство, снова взялась за свои рукописи, и всем было опять не до Полины. Температура у неё уже спала.

Бабушка зашла, погасила лампу, и Полина стала засыпать...

Бабушка Тая отгребла на кухне посудой и ушла в свою комнату, к большой дедушкиной фотографии и вазам с сухими травами. Некоторое время в щёлочку под дверью Поллиной комнаты проникал свет из коридора, но потом и он погас.

Полине не спалось, только так, дремалось. Где-то за стеной, в соседней квартире, кто-то играл и играл на скрипке всё одну и ту же, одну и ту же мелодию.

Дверь в её комнату никто не открывал. Это точно. Окно тоже было закрыто, потому что Полина простужена и бабушка бережёт тепло. Но вздрог...

Совершенно неизвестно откуда посреди комнаты оказалась девочка. В комнате сделалось светло как днём, не потому, что зажглись лампы, а потому, что девочка светилась. И платьице на ней было светлое, блестящее. Полина села на кровати.

— Ты мне спишь? — спросила она светящуюся девочку.

— Но ты ведь не спишь! — сказала загадочная гостья, и от её слов по стенам забегали светло-зелёные огоньки.

— Кто ты? — шепотом спросила Полина. Ей сделалось страшно. Она никогда в жизни не видела светящихся девочек с разноцветными словами.

— Не бойся,— сказала девочка. И снова побегали огоньки, но только уже не зелёные, а голубые.— Не надо пугаться. Я — звезда. А зовут меня Ая.

— Как звезда? Так не бывает! Девочка засмеялась. Огоньков стало ещё больше. Они были всех цветов радуги.

— Зачем ты пришла? — спросила Полина.

— Так ведь тебе плохо! — сказала Ая.

— Ничего. Температура уже спала.

— Я не об этом говорю. Подумай.

Полина задумалась. Да, перед девочкой, которая светилась и смеялась разноцветным смехом, что было притворяться! Хотя Полина вообще-то была девочка скрытная и не всякому рассказывала, как у неё бывало на душе — хорошо или плохо.

«Сокровенная», — называла её бабушка Тая.

— Можешь не говорить,— продолжала Ая.— Звёзды знают про людей гораздо больше, чем ты думаешь. А я знаю: и про Фокки, и про ковер, и про модальные глаголы.

— Как же так? — робко спросила Полина.— Ты — звезда, но ты не на небе. И вид у тебя ну совсем как у девочки. Только платьице — как будто ты в костюме Снежной королевы...

— Звёзды умеют иногда принимать человеческий вид.

Девочка-звезда помолчала.

— Слушай,— сказала она наконец, — а ведь ты любишь и маму и папу.— Она не спрашивала. Она просто сказала.

Полина подумала, точно заглянула сама в себя. У мамы тёплые руки, и так хорошо, когда у неё оказывается время с Полиной поговорить. И папа бывает добрым. Он тогда поёт ей:

Полинет, Полинет,
Слышишь ты или нет!
Коровы смеявали пшеницу.

Это кусочек какой-то французской песенки. И они тогда оба, папа и Полина, весело смеются.

— Люблю,— сказала она.— И бабушку Тая. Только...

— Я знаю. Только после того, как получили новую квартиру, сами стали какие-то безрадостные. И в дом перестало приходить весёлое утро. А жить без весёлого утра нельзя.

Полина кивнула.

— Понимаешь, что случилось,— продолжила Ая.— У вас в доме поселились хмурые. Как только все сделались невесёлыми, так они на вас и напали.

— Хмурые? — удивилась Полина.— Кто это? Звери? Насекомые?

— И не звери, и не насекомые.

— Кто же тогда?

— Они такие маленькие, как пылинки, существа. Только пылинки весёлые, а эти хмурые.

— Страшные?

— Да не страшные, а вредные. Они любят, чтобы люди были невесёлые, озабоченные, хмурые. Они плетут хмурость из невидимых хмурых нитей и ловят в них, как пауки, весёлые слова, улыбки, смешинки. Ловят и уносят и прячут где-то в далёких пещерах, куда не заглядывают ни люди, ни звёзды. И очень любят делать людям мелкие пакости.

— Как же нам теперь быть? — спросила Полина.

— Тихонечко одевайся, и пойдём.

— Куда? Мне нельзя, я больная,— испугалась Полина.— Меня гулять не пускают. Доктор Дорохов велел дома сидеть.

— Ты уже почти здорова, у тебя нет температуры,— сказала Ая.— Вот увидишь, тебе наша прогулка не повредит.

— А как же мама и папа? И бабушка Тая? Они ведь будут меня искать!

— Решайся, Полина,— сказала Ая.— Чтобы в вашу семью пришло весёлое утро, тебе придётся немало сделать. Ты должна решиться. Многое зависит от тебя.

Полина думала всего одну минутку. Потом быстро оделась. Оглядела комнату. Ах да, вот что! Она приготовила бабушке и маме на день рождения рисунки. Бабушка и мама родились в один и тот же день — двадцать третьего марта. Эти рисунки — сюрприз. На одном нарисованы пальмы, а на них висят гроздьями жёлтые бананы, а на вершине самой высокой пальмы сидит синяя обезьянка. Почему синяя? Потому что коричневый карандаш сломался. А Полина показала, что синяя даже лучше — смешнее. А на другом рисунке пасутся кони. Красивые разноцветные кони на опушке леса. И солнце в небе светит. И рядом протекает голубая река. Полина достала с полки третий том Детской энциклопедии, спрятала рисунки между страницами и поставила книгу обратно в шкаф.

— Пошли,— сказала она Ае.

Владимир ПРИХОДЬКО

ГЕРАНЬ

За окном — буран,
А в избе — герань.

В поле намело,
А у нас тепло.

Глянь-ка, снег идёт.
А герань цветёт.

СНЕГИРЬ

Родился снегирь
С красным брюшком.
Снег

Одарил снегиря
Кожушкой.
Свиристку дала
Ветла,
А песня
Сама пришла.

УЛЕТАЛИ ЛЕБЕДИ

Улетали лебеди
С севера на юг.
И теряли лебеди
Белый-белый пух.

То ли пух лебяжий
В воздухе блестит,
То ли в окна наши
Белый снег летит?

Продолжение следует

ВЫПУСК 12 АЗБУКАЗДОРОВЬЯ

И. СЕМЕНОВА
Рис. О. МОНИНОЙ

Вот так картина! Стоит перед Никитой сифон с газированной водой да банка с сиропом. Готовит он шипучий напиток и пьет чашку за чашкой.

— Нелзя, Никита, так почки перегружать! — сказала я.

— Почки у меня вот где, — он тронул рукой поясницу, — а вода в желудок попадает. Там места много.

— Хорошо, что знаешь, где почки. Жаль только, забыл важную вещь: в организме всё связано. Из желудка — он, кстати, не так уж и велик — вода всасывается в кровь. Кровь движется по тонким трубочкам-сосудам. Их называют артериями и венами. Та кровь, которая бежит по артериям, несёт каждой клеточке нашего тела кислород, витамины, питание, воду.

— А вены зачем? — спросил Никита.

— Всё лишнее, что накапливается в клетках, постепенно переходит в венозную кровь. Проходя через почки, она освобождается от лишней жидкости и вредных веществ. Если пить много жидкости, можно перегрузить почки бесполезной работой.

— Почему же осенью, когда я гриппом болел, вы сами советовали побольше пить? — напомнил Никита.

— Так то болезнь, особый случай! Ты знаешь, чем вызывается грипп?

— Вирусом. Вирусы очень маленькие. Их только в электронный микроскоп рассмотреть можно.

— Правильно, маленькие, но выделяют очень сильный яд. Яд всасывается в кровь. Чтобы вывести его, нужно как можно больше пить. Тогда яд как бы вымывается водой. И помогают нам в этом...

— Почки! — подхватил Никита.

— Молодец, понял. А теперь запомни: почки нужно беречь. Не перегружать жидкостью, не переохлаждать летом во время купания и зимой на горке. Я тут недавно видела, как один мой знакомый без дощечки и санок с ледяной горы на спине съезжал. Как ты думаешь, кто бы это мог быть?

— Больше не буду, — честно сознался Никита.

ИГРА МОЛДАВСКИХ
ДЕТЕЙ
Мамаше мамаше
Так вот бабушка правит,
Мама так парочку печёт,
А на лупу зовёт сестра,
Кому же вот так Арона,
Так отец рубашона — строг.
Всё умее в мой друг.
Кто сможет покатать,
как все это делается?

рис. Н. РОДИОНОВА
**КУЧА
МАЛА
МАЛАМА
КУЧА**

Николае ДАБИЖА

Василеш

У костра, на пеньке,
В шубе, в шапке, в башлыке
Он сидит, ворчит на стужу —
Только нос торчит наружу.
А мы стали в кружок:
Мы не мёрзнём — пляшем жок!

Кот и мышонок

— Эй, мышонок-быстроножка,
Потолкуй со мной немножко! —
А мышонок на бегу
Отвечает:
— Не могу!
— Ты не можешь! Отчего ж!
— Вот подумай — и поймёшь!

Монизу — первоклассник

Монизу-первоклассник потерял букварь.
Идёт день, неделю, месяц, глядь — уже январь!
Скоро, скоро будет лето — что там плакать зря!
Второкласснику не нужно вовсе букваря.
Перевела М. БОРОДИЦКАЯ

нарисовал
Н. РОДИОНОВ

Штефан ТУДОР

Путешественник

Торопится с грузом экспресс,
Безушица на станцию лес.
А там, на дровах-то, заметь,
Разлётся и едет... медведь!

— Куда же ты, Миша, скажи-ка!
— Туда, где вкусней египтян.

Перевод Ю. МОГУТИН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
А. ШЕВЕЛЕВ

Редакторы:
Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Т. АНДРОСЕНКО,
Г. ВНЕРУ,
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного редактора),
М. КОРШУНОВ,
В. ДОСИН,
Г. МАКАВЕЕВА,
В. МАТВЕЕВ,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный секретарь),
Е. РАЧЕВ,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела
художественного
оформления
В. ШЛЯНДИН

Технический
редактор
О. БОЙКО

Сдано в набор
13.12.84
Подписано в печать
10.01.85
Формат 84х108 1/16
Печать офсетная
Усл. печ. л. 3,36
Усл. красок 13,4
Учтмад. л. 4,0
Тираж 5 100 000 экз.
Цена 15 коп.
Закат 7164

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»
125015, Москва,
Новодмитровская ул.,
д. 38
Телефон: 265-18-81

Коды издателя
ИД № 8185СМ
«Издательство «Мурзилка»

Типография ордена
Трудового Красного
Знамени изд-ва
ИД № 8185СМ
«Издательство «Мурзилка»
105080, Москва,
ГОРЬКА, Суздальская, 21.

Макет
Н. ХОЛЕНДРО

Рисунки на обложке
Н. УСТИНОВА

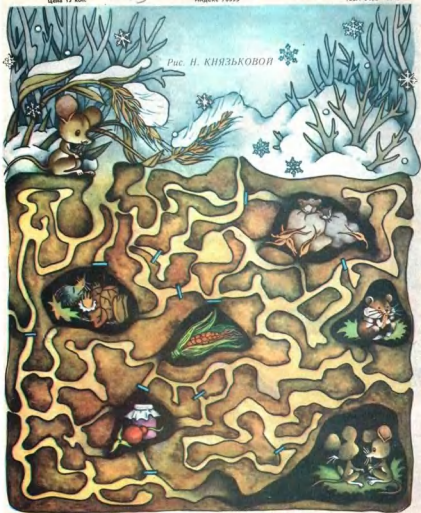
Леонида ЛАРН Дядя Волк

Топ-топ,
Щёлк-щёлк,
Идет Заяц
Дяди Волк:
— Эй, косой, куда ты дёлся,
Не в гостях ли засиделся!

А Заячишка-то как раз
За столом, в гостях у нас.
Туго-туго мы сидим,
Зайца Волку не дадим!

Перевод Я. АКИМ

Рис. Н. КНЯЗЬКОВОЙ

Проводи мышку и мышатам, не разбудив крота. Помоги ей запасы перенести в норку.